

© 2001 г. Г.И. БЕРЕСТНЕВ

САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА

0. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В ряде наиболее важных проблем современной науки о человеке особое место занимает проблема его самосознания. Сегодня мы со всей остротой осознаем тот факт, что достигли необычайных высот в освоении внешнего мира, но остаемся совершенно беспомощными перед Космосом внутри нас, что внутренний мир зачастую оказывается для нас несравненно более значимым, чем мир внешний, что события общественной жизни – это лишь отблески и продолжения процессов, протекающих в глубинах нашего "Я". "Мы уважаем путешественника, исследователя, покорителя вершин, космонавта, – отмечал известный шотландский исследователь человеческой психики Р.Д. Лэнг (R. D. Laing). – Для меня же гораздо больший смысл имеет в качестве актуального проекта – на самом деле настоятельно необходимого нашему времени проекта – исследование внутреннего пространства и времени сознания. Вероятно, это одна из немногих вещей, все еще имеющих смысл в нашем историческом контексте" [Лэнг 1995: 306].

Главный вопрос, возникающий в этой связи, ставится следующим образом: каковы реальные содержательные основания человеческого "Я"?

Спектр возможных внутренних сторон личности, которые могут претендовать на их роль, весьма широк. Это могут быть отдельные процессы в психике человека, его ощущения, воображение, эмоции, мышление. Это также может быть в целом бессознательное образование психики, спонтанно возникающее как интегральное выражение этих психических функций. Основу самосознания может составлять и такое начало, которое объединяет только непосредственно осознаваемые человеком душевные процессы. Наконец, в основе сознания "Я" может оказаться такая глубинная инстанция в структуре его души, которая, с одной стороны, составляет ее центр и исток, а с другой – находится вне познавательных и психических процессов, занимая позицию "стороннего наблюдателя" [Спиркин 1972: 131–132].

Как бы там ни было, не вызывает сомнения главное: "Я" человека – это уходящее в глубины психики "ядро личности", организующее собой всю его внешнюю деятельность [Кон 1981; Маковский 2000].

Постижение своей глубинной сути – проблема, важная для каждого отдельного человека. Ее разрешение способно кардинальным образом изменить его личность и всю его жизнь. Именно на этом пути человек открывает в себе свою индивидуальную и социальную определенность, обретает новые, по-настоящему незыблемые ценности и исцеляется от многих заблуждений, которыми до того времени он руководствовался в своей жизни. И узнавая свои глубины, человек возвращается к своим первоосновам, открывает для себя истинный смысл своего бытия и бытия мира, в котором он живет.

Постижение человеком сути своего "Я" значимо и в ином – социальном – плане, поскольку оно способно преобразовать жизнь человеческого сообщества в целом. Вся история XX века с ее войнами и социальными потрясениями свидетельствует о несостоятельности усилий, направленных на внешние изменения общественного бытия.

Мы все лучше понимаем, что лишь путем внутреннего познания и внутренних усилий, а не путем внешнего насилия можно достичь действительного преобразования мира. "Слишком многие еще ищут вовне; одни верят в обман победы и победоносную власть, другие верят в договоры и законы, а третьи – в разрушение существующего порядка. Еще слишком мало тех, кто ищет внутри, в своей самости, и еще слишком мало тех, кто задает себе вопрос, не полезнее ли было в конце концов для общества, если бы каждый сначала у себя самого, исключительно на своей собственной личности и в своем собственном внутреннем государстве подверг испытанию и то устранение прежнего порядка, и те законы, и те победы, которые он проповедует на каждом углу, – вместо того, чтобы требовать этого от окружающих" [Юнг 1994: 29]. Сегодня, в преддверии XXI столетия, эти слова К.Г. Юнга, сказанные им более семидесяти лет назад, звучат как никогда актуально.

Чрезвычайно перспективным видится рассмотрение этой проблемы современной наукой о языке. С одной стороны, именно язык представляет собой источник неоценимых сведений, на основе которых может быть определена структура самосознания его носителей и семантика отдельных его структурных составляющих. Как писал У. Чейф, "язык – до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его ... Язык к тому же наблюдаем, поддается анализу, и нам хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать и знание" [Chafe 1987: 109]. С другой стороны, наблюдавшееся в течение нескольких последних десятилетий сближение лингвистики с другими гуманитарными дисциплинами (филологией, теорией познания, психологией, психиатрией, культурной антропологией и т.д.) привело к формированию новой синтетической научной дисциплины – **к о г н и т и в н о й н а у к и** [Степанов, Проскурин 1993; Кубрякова 1994а; 1994б; 1995, Демьянков 1995; Фрумкина 1985], и именно лингвистика в рамках когнитивизма, принявшая от этих дисциплин новые для нее категории и методы, вооружила себя необходимым инструментарием для постижения глубинной сути имеющейся у человека мысли о самом себе – о своем "Я".

Ближайший объект рассмотрения при реконструкции структуры и семантики самосознания носителей конкретного языка составляют личные и возвратные местоимения, составляющие собой непосредственное средство языкового обозначения "Я" говорящего субъекта. При этом личные местоимения первого лица единственного и множественного числа имеют исключительно жесткие функциональные рамки: кроме обозначения говорящим себя самого (отдельно от других, в единстве с участниками коммуникации или в единстве с некоторыми третьими лицами). Эти слова ни в каких иных обстоятельствах не употребляются, что затрудняет реконструкцию их глубинного содержательного и функционального наполнения и соответственно способ видения в этих условиях говорящим себя.

Гораздо более свободно в этом плане **в о з в р а т н о е м е с т о и м е н и е**. Прежде всего, оно уже само по себе может быть принято в качестве основания для типологических обобщений относительно видения носителями соответствующего языка своего "Я": существует большое число языков, в которых собственно возвратное местоимение отсутствует и его роль выполняют знаменательные существительные с показательными значениями 'тело', 'голова', 'лицо', 'глаз', 'душа', 'особа' и т.п. Таковы, например, груз. *tviton* 'тело', япон. *zi-sin* 'наше тело', индонезийск. *diri* 'тело', вьетнам. *minh* 'тело', араб. *nafsun* 'душа', аунун 'глаз', хауса *kai* 'голова' [Храковский 1978: 55; 1981: 15; Moravcsik 1972: 272; König 1997: 10]. Кроме того, даже при наличии возвратного местоимения, его функционирование в тех или иных языках может различаться, что также позволяет делать выводы относительно образа "Я", который видится говорящему при его употреблении (ср. рус. *вернуться к себе* 'вернуться в свое жилище или рабочее помещение' и невозможность этой модели, скажем, для английского языка).

Русское возвратное местоимение *себя* обладает важными дополнительными свойствами, которые повышают его ценность как источника при реконструкции системы

представлений о "Я" у носителей русского языка. Прежде всего, оно является исключительно древним, причем его современная функция в общем незначительно отличается от той функции, которую оно выполняло первоначально. Установлено, что оно восходит еще к древнеиндоевропейскому местоимению *s- (или *s^o-), которое служило средством выражения субъектного десигната в структуре предложения и соответственно в рамках ситуации, известной адресанту и адресату сообщения. Знаковую природу, а также способность репрезентировать в языке версионные отношения сохранили и "продолжения" этого местоимения в конкретных индоевропейских языках – ср.: др.-инд. *sva-* 'свой', *svayam* 'сам'; авест. *x^oa-* 'свой', лат. *se, sui, sibi*; греч. *ἐ, οὗ, οἱ* ст.-сл. **свои** [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 336 со ссылкой на: Delbrück 1893–1900, III; 477 и след., 497].

Кроме того, рус. **себя** входит в чрезвычайно широкое и разнообразное в содержательном плане словообразовательно-этимологическое гнездо более поздней индоевропейской основы **sey-*/**syō-*, (**s^oe-*/**s^oo-*, что уже само по себе говорит о напряженности словообразовательных процессов, в которые оно вовлечено. Эти процессы отчетливо обнаруживают себя в славянских и собственно в русском языке. Помимо слов *себя, свой* и *свобода*, которые в настоящее время не осознаются как родственные, в одном этимологическом гнезде с местоимением *себя* находятся такие лексемы, как *собь* 'все свое, имущество, пожитки, богатство', *собить* 'копить, собирать', *собина* 'приданое', *собник* 'владелец', *собность, собственность* 'именье и всякая вещь как личное достоянье чье' [Даль IV: 253] и *особенный* 'отдельный, опричный, неместный, не общий', а также 'отличный от прочих', *особь* 'всякое отдельное существо или растение' [Даль II: 701]. Наличие подобного ряда очевидно родственных слов с достаточно разнообразной семантикой благоприятно в том плане, что позволяет выделить общее содержательное начало, которое все эти слова объединяет, – в данном случае семантический инвариант корня *себ-/соб-*. Говоря более определенно, рассмотрение семантики всего комплекса слов, родственных местоимению *себя*, делает возможным постижение его глубинного семантического и функционального потенциала во всей его полноте, а таким путем – постижение глубинных оснований стоящего за этим местоимением представления о "Я" у носителей русского языка.

Что касается основного метода такого исследования, то он не нов. Как таковой он был применен впервые в приложении к фонологическому уровню языка Р.О. Якобсоном, Г. Фантом и М. Халле, которые предложили использовать для описания единиц фонологического уровня универсальную систему организованных в оппозиции акустических и артикуляционных признаков – таких, как *гласный : согласный, глухой : звонкий, долгий : краткий, мягкий : твердый, носовой : ротовой, огубленный : неогубленный, придыхательный : непридыхательный, смычный : фрикативный* и т.д. Всего таких пар было определено двенадцать [Якобсон, Фант, Халле 1962]. И по сути дела в этих условиях был открыт принцип не только метаописания отдельных единиц языка по их внутренним компонентам, но и их **у з н а в а н и я**.

Сложившийся метод получил дальнейшее развитие в конце пятидесятых – шестидесятых годы в активно разрабатываемой в это время теории компонентного состава лексических значений. В рамках этой теории значение слова представляется как пучок семантических признаков, принадлежащих познавательным структурам человеческого ума и, таким образом, независимых от содержательного уровня языка. Это обстоятельство позволяет использовать семантические признаки в качестве средства метаописания значений слов. При этом установление конкретных их композиций раскрывает содержательный объем соответствующих концептуальных величин и тем самым определяет их в смысловом континууме, **д е л а е т у з н а в а е м ы м и** в ряду других концептов.

На этой основе далее был разработан особый метод **с е м а н т и ч е с к о й р е к о н с т р у к ц и и** – воссоздания утраченных концептов по отдельным содержательным признакам, которые соответствующая лексема обнаруживает во множестве

контекстов¹. При этом сама представленность реконструированного концепта как совокупности признаков имеет принципиальный характер: это наиболее простой, а иногда и единственный способ его выражения.

Метод реконструкции обозначенных в языке содержаний по их структурным компонентам был поднят Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым на еще более высокий уровень. В своем фундаментальном исследовании Гамкрелидзе и Иванов [Гамкрелидзе, Иванов 1984] они применили его к предельно масштабной содержательной сущности – языковой картине мира. Воссоздав по отдельным аспектам систему представлений о действительности, обозначившихся в индоевропейском языке, они определили ее соответствие известным археологическим культурам, а также историко-географической действительности и таким путем установили наиболее вероятную первоначальную область расселения индоевропейцев, т.е. их прародину [Гамкрелидзе, Иванов 1984: xcvi].

Таким образом, метод определения строя и содержания самосознания носителей русского языка, как оно открывается употреблением возвратного местоимения *себя*, состоит в "собрании" в единый комплекс тех референтных зон, на которые местоимение *себя* вообще способно указывать в тех или иных речевых условиях. По сути дела в этих условиях речь идет о типологии референтных зон, индексируемых возвратным местоимением *себя* в русском языке.

Цель данной работы – определить, каким референтным содержанием наполнено возвратное местоимение *себя* в русском языке и таким путем установить содержательный фрагмент представления о "Я" в русской языковой ментальности.

1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О "Я" В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ И В СОВРЕМЕННЫХ НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Природа и структура самосознания – проблема, которую человечество поставило перед собой еще в глубокой древности. Если видеть в тех или иных изображениях человека его попытки объективации себя самого, то мы должны будем признать существование этой проблемы еще в эпоху палеолита (12–10 тыс. лет назад). Однако сформулированный характер она обрела лишь в развитых философских и мирозерцательных традициях, причем в разных системах строение и семантика отдельных структурных составляющих человеческого "Я" понимаются по-разному.

В большинстве традиций человек мыслит себя, свое "Я" д в у х ч а с т н ы м – в единстве т е л а и д у ш и. При этом приоритетной признается в первую очередь его телесная ипостась: именно тело составляет для человека самое первое и наиболее очевидное проявление отличия его от других, ближайшее основание идентификации себя как "Я" и в целом самое первое доказательство его бытия. Не случайно тело принимается за образец для внутренней репрезентации, с одной стороны, души человека (она видится внешне подобной телу), а с другой – всего материального мира, в котором человек живет. Как заметил В.Н. Топоров, "в настоящее время, кажется, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что роль источника должна быть отведена человеку и его телу. Именно по этой модели мифологическое сознание первоначально строило описание Вселенной" [Топоров 1997: 473]².

¹ Вообще семантическая реконструкция осуществляется на основе целого ряда приемов [Бенвенист 1974; Гамкрелидзе, Иванов 1984: xc – xci]. Однако все они так или иначе связаны с выявлением и анализом отдельных компонентов лексического значения.

² Эти представления обозначились в наиболее древних памятниках, где мироздание буквально отождествляется с частями тела некоего Первочеловека. Например, в равнинской литературе Адам изображается как Первочеловек, тело которого наполняет собой мировое пространство [Топоров 1997: 472]. В древнеиндийской мифологии аналогичный Первочеловек – Пуруша, из частей которого возникают элементы всего сущего (как в космическом, так и в социальном планах): пространство и его элементы, сословия, боги, земля и небо, знания, воздух, стороны света и т.д. Ср.: *Из него возникают дыхание, мысль и*

Отмеченное представление о приоритетной телесности человека нашло и языковое выражение. Прежде всего в этом плане должно быть отмечено само название *человека* в различных языках. В частности, в группе индоевропейских языков исходным и широко распространенным было его название как "земного", "происходящего из земли", что и обнаруживает некогда имевшее место видение его как существа телесного, плотского, – ср.: лат. *homo*, гот. *guma*, др.-исл. *gumi*, др.-в.-нем. *gomo*, прусск. *стоу*, ст.-лит. *žtuo* с одним и тем же значением 'человек' при этимологически родственных им др.-перс. *zat-*, лат. *humus*, прусск. *same*, лит. *žeme*, русск. *земля* 'земля' и др. от индоевропейской основы **d^hl(e)g^hlom-* 'земля' [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 475].

Как кажется, есть все основание говорить и об ориентированности на внешний, телесный аспект человека таких собственно славянских наименований, как русск. *человек*, бел. *человек*, др.-русск. *человѣкъ*, ст.-слав. *чловѣкъ*, болг. *човек*, *човек*, челяк, чияк, сербско-хорв. *човјек*, *чођјек*, словен. *člověk*, польск. *człowiek*, чеш. *člověk*, словац. *človek*, в.-луж. *čtowjek*, н.-луж. *ctowjek*, полабск. *clúovak*, восходящих к прасл. **čelověkъ* или **čylověkъ*. Как отметил В.Н. Топоров, первый компонент их праформы **čelověkъ* восходит в итоге к и.-е. **kel-* 'расти', 'возвышаться', 'подниматься' [Топоров 1987: 219]. Но это означает, что в акте номинации человека для носителей языка были актуальны во внеязыковой сфере признаки "высокий", "вертикальный" – т.е. чисто внешние, телесные его признаки.

Тезис о преимущественном видении человеком себя как телесного существа находит подтверждение и в таком ярком и уходящем в глубины языкового сознания свойстве языка, как *системность антропоморфных метافор*. Суть этого явления заключается в следующем: осознавая себя как телом и "сканируя" возникающий в этой связи образ с целью определения в нем отдельных элементов и их именования, человек затем метафорически именуется элементы окружающего его мира. Складывается ситуация, когда совокупность таких метафор повторяет имеющееся у носителя данного языка общее представление о самом себе.

Так, в русском языке практически с абсолютной точностью передают структуру верхней части тела человека (его головы и шеи) такие метафоры, как *лохматый*, *косматый* или *лысый*, *глава* горы, *головы сыра*, *сахарная звезда*, *перемигиваются*, *миг* – отрезок времени; *веко* 'подвижная складка кожи, прикрывающая глаз' и диал. 'крышка туеса или лукошко' (ср.: лит. *vókas* 'веко'; возможно, алб. *vëttulë* 'бровь' [Фасмер I: 286]); *глазок* 'почка у картофеля'; *ух* 'проем, за который подымают вещь, в который продавают что, проух, проушина' (ср.: *ушко иголки*, *уши колокола*, *котла*; отсюда же *ушат* – небольшая кадка с "ушами") [Даль IV, 525]; *нос* *лодки* или *корабля*; по диалектам: *грибы* и *губы* – о группе низших растений Fungi или Mycetes, прямо именующие края рта у человека, *усты* *е реки*; *щека* вост.-сиб. 'крутой берег реки' [Даль IV: 652]; *скула* (судна) 'боковая часть носа, выпуклость' [Даль IV: 213]; *бород* – растение Ласточник (Asclepias); 'рой пчел, когда они сидят ворохом на улье и не работают'; 'последний сноп на поле при жнивье, который не сжинается, а вяжется на корню и убирается цветами' (*завить бороду* 'окончить полевые работы, страду, жнитво') [Даль I: 116]; *шейка* 'вообще перехват, пережабина, горлышко, тонкое узкое место чего', откуда затем и *перешеек* [Даль IV: 632]; *горловина* (ср. [Топоров 1997: 473]) и др.

Гораздо менее детально "выписано" туловище человека – ср.: *плечо* (рычага, *весового коромысла*) 'каждый из концов по обе стороны опорной точки' [Даль III: 126];

все чувства, пространство, воздух, свет, вода и земля – носитель всего. Огонь – его голова, солнце и луна – его глаза, страны света – его уши, его язык – Веды, данные откровением, воздух – его дыхание, мир – его сердце. Из его ног [возникла] земля, он поистине атман всех существ (Мундака-упанишада II, 1, 3–4) [ДФ 1972: 240].

горный хребет, становой хребет (чего-либо); пуповина – метафора связующего начала чего-либо с его источником; черво (морское)³.

И уже совсем единичны метафорические переосмысления рук и ног человека – ср. достаточно позднее образование *палец* (в механизмах); *нога, ножка* 'постоянная подпорка, подставка, одна из стоек, на коей снаряд или утварь стоит', сев. *нога одреца, бесколой телеги* 'жердь, которая волочится, заменяя колесо' [Даль II: 551].

Вторым основанием мысли человека о себе в различных культурных традициях выступает его душа. Обычно она представляется как особое существо внутри человека – его нематериальная копия, в точности повторяющая его физический облик. В принципе невидимая, она вместе с тем может обнаруживать себя в его тени, портретном изображении, отражении в воде или зеркале и т.д. Это может быть также своеобразный маленький человек, заставляющий действовать реальное лицо [Фрэзер 1983: 174–175], или зверек, насекомое, птица, готовая улететь (в связи с чем в определенных случаях производятся характерные ритуалы ее "приманивания" зерном). "Такое представление, – заметил Дж. Фрэзер, – вероятно, оставило следы в большинстве языков и продолжает сохраняться в качестве поэтической метафоры" [Фрэзер 1983: 177].

В других случаях под понятие души и подводятся действительные субстанциональные основания. В этих случаях она может сближаться или даже отождествляться с кровью человека или животного (откуда происходит, в частности, запрет на употребление в пищу крови или необескровленного мяса в иудаизме, *"ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его"* (Лев. 17, 14))⁴. Таким

³ Ср. у М. Цветаевой: *"Могла бы – взяла бы / В утробу пещеры..."*, а в конце стихотворения обратное: *"Могла бы – взяла бы / В пещеру – утробы"* (Пещера). Эта метафора, как и вообще метафоры *лона, чрева* и т.д., исключительно глубока по своему основанию, которое, несомненно, имеет характер архетипа в духе К.Г. Юнга. Об этом говорит, в частности, тот факт, что во всех древних культурах *пещера* рассматривалась в связи с порождающим материнским лоном (ср. христианскую иконографию, где вифлеемский хлев изображается в виде скального грота и усыпальница Христа также представляет собой гробницу-пещеру, высеченную в скале). И наоборот, как свидетельствуют древние хронисты, женские органы (влагалище, матка) отождествлялись с пещерами [Бидерманн 1996: 206–207; Купер 1995: 245]. Поэтому *войти в пещеру* означало либо проникнуть во чрево Матери-Земли, либо вообще вернуться в материнское лоно, к своему предродовому, "добытийному" состоянию. Сами идеи рождения и смерти обнаруживают с этих позиций свою "симметричность": рождение может мыслиться как выход из замкнутого, внутреннего, "пещерного" пространства материнской утробы во внешнее, бесконечно разветвляющееся, широкое вселенское пространство, а смерть и последующее погребение – как попытка воссоздания обратной ситуации, как обновление исходного состояния, возвращающего человека в замкнутое пространство, аналогичное пространству материнской утробы, в котором человек пребывал до рождения [Топоров 1997: 475–477].

Показательно, что эти представления находят четкое соответствие в совсем недавно полученных данных относительно содержания *перинатальной* ("околородовой") памяти человека. В частности, внутриматочное, эмбриональное состояние вспоминается человеком как чувство укрытости, сокровенности и в высшей степени комфортного и гармоничного бытия (одно из сравнений, предложенных в этом плане, – покойное существование внутри усыпальной пирамиды). Начинающиеся роды делают далее актуальным образ родового канала как выхода из этого вместилища. Завершение же родов реально переживается как окончательный выход из внутреннего закрытого пространства в открытое внешнее (подробное об этом см.: [Гроф 1993; 1994а, 1994б]).

⁴ Характерно, что в Новозаветной традиции, наоборот, строго предписывается употребление *крови* Христа, которая метафорически представляет "душу" христианства – его глубинную суть, в то время как Его плоть также метафорически знаменует внешнюю сторону христианского учения – его "букву" (но одновременно и церковь). На это указывается самым недвусмысленным образом – ср.: *И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив,*

же образом она может ассоциироваться с дыханием, точнее – с воздухом, который наполняет грудь человека или животного и которым наиболее явно обеспечивается его жизнедеятельность, – ср. родство в русском языке таких слов, как *дух*, *душа*, с одной стороны, и *воздух* и *дышать* – с другой или греч. ψυχή 'душа' и ψυχή 'дыхание'; др.-инд. *prāṇa* 'дыхание, жизненное дуновение' и 'душа'; др.-исл. *andi* 'дыхание' и 'душа'; лат. *anima* 'душа' при др.-инд. *aniti* 'дышит'. Подобные же представления были отмечены у австралийских аборигенов и индейцев Калифорнии и Флориды, в Малайзии и на Яве [Тэйлор 1939: 267–268].

Во всех случаях такого рода уже не тело, а душа может служить для человека основанием для осмысления себя как "Я". Так, принципиальный характер это положение имеет в христианстве. В христианских источниках *душа* представляется как сфера эмоциональных переживаний личности (в контексте христианства это почти исключительно любовь), воплощающая собой его личностное начало. Потерять свою *душу* значит потерять самого себя, а сохранить ее – сохранить свое "Я" – ср.: {...} *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого потерять или навредить себе?* (Лк 9. 24–25). Сознание "Я", таким образом, связывалось в христианстве исключительно с *душой* и содержательно определялось как христианская любовь⁵.

Еще более отчетливое звучание идея тождества *души* человека и его "Я" обретает в тех случаях, когда в структуре "внутреннего человека" определялись несколько составляющих (несколько *душ*), у каждой из которых усматривалась своя особая функция. Лишь одна из таких *душ* признается осуществлением человеческого самосознания в его целостности и полноте. Так, в разных традициях шаманизма *главная душа* шамана – это абсолютное выражение его сознания и самосознания. Странствуя в своих видениях по "верхнему" и "нижнему" мирам и подвергаясь самым радикальным преобразованиям со стороны природных духов, шаман сохраняет свою персональность – т.е. продолжает мыслить себя как постоянное "Я", хотя для окружающих он утрачивает рассудок, теряет сознание или даже "умирает" на время⁶. У древних

преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть К р о в ь М о я Н о - в о г о З а в е т а, за многих изливаемая во оставление грехов (Мф. 26: 27–28). Несколько менее явно об этом же в другом месте: *Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек* (Ин. 6: 53–58).

⁵ В Византийском христианстве это представление о "внутреннем человеке" подверглось дальнейшей проработке и в нем несколько сместились акценты. У греческих авторов, начиная с Оригена и Климента Александрийского, в центре "внутреннего человека" вновь полагается *разум*, который правит в о л е й (θυμός) и ж е л а н и е м (ἐπιθυμία) – придает им нужное направление и заставляет служить добродетели. В западноевропейской христианской философской традиции "внутренний человек" представлен иначе. В его составе также определяются три части, но это *растительная, питательная душа* – жизнеобразующая, свойственная вообще всему живому, *чувствующая душа* – воспринимающая и стихийно направляющая восприятие посредством желания (она присуща уже животным и человеку), *разумная, мыслящая душа* – мыслящая часть, осознающая собственное бытие и восприятие, направляющая и организующая их и являющаяся исключительным атрибутом человека.

⁶ Нганасанский шаман по имени Дюхаде, описывая свои видения, специально оговаривал

египтян сознание "Я" рассматривалось как функция *ka* – одной из семи "душ", по сути являющейся автономной персональностью [Budge 1967, IV: III и сл.].

Поисками оснований самосознания, внутренних уже по отношению к душе, были озадачены древнегреческие философы. Сама *душа* виделась ими как единство ряда "частей", или функциональных проявлений. Это и ж и в о т н о е начало человека, обнаруживающее себя как его витальность, и и н с т и н к т и в н а я сторона, тесно связанная с его витальностью, и совокупность о щ у щ е н и й, открытых человеку благодаря наличию у него пяти органов чувств, и э м о ц и о н а л ь н о е начало, обнаруживающее себя в его страстях и переживаниях, и в о л е в о е начало. Эти начала по-разному представлялись в выдвигаемых системах, однако практически в каждом из них отмечалось начало р а ц и о н а л ь н о е. Именно в нем виделось то свойство *души*, которое, выступая дополнением к ж и в о т н о й стороне человека, обнаруживает себя как характерный его атрибут – с о з н а н и е⁷.

Идея рациональных оснований *души*, а таким образом и рациональных оснований самосознания личности доминировала на протяжении нескольких столетий. Она развивалась в Византийском христианстве и в Западноевропейской христианской философии, в эпоху Возрождения, наиболее отчетливое и законченное выражение обретая в Новое время в философии Декарта. Одновременно с этим выдвигались теории, в которых основания человеческого сознания и самосознания определялись иначе. Так, у Ламетри это ч у в с т в а, которые далее и обуславливают собой все аспекты мышления человека. Самосознание, по его мнению, обнаруживает себя как постижение человеком собственной чувственной сферы. *Чувствую, следовательно, существую* – так сказал бы о себе такой "чувствующий" человек. Иное видение проблемы абсолютных основ человеческого сознания и самосознания, тем не менее не выходящее за рамки существующей традиции, предложил А. Шопенгауэр, в философии которого обосновывается примат в о л е в о г о н а ч а л а над разумным. Именно *воля*, полностью подчиняющаяся себе рассудочное начало, составляет, по Шопенгауэру, истинную основу личности. *Воля* есть подлинная сущность человека, действительный человек, интеллект же есть просто ее орудие – эту мысль Шопенгауэр подчеркивает неоднократно [Шопенгауэр 1993: 292–293]⁸.

автономность и независимость своего "Я" относительно тела и даже рациональных сфер сознания. "Однако я вошел в средний чум, – рассказывал он, – и тут же сошел с ума, созная в то же время все происходившее вокруг. Это были люди преисподней, люди большой болезни (оспы). Вырезали они мое сердце и бросили вариться в котел" [Попов 1936: 84 и сл.].

⁷ Так, например, Пифагор учил, что *душа* (*psyche*) включает три составляющие: у м (*poys*), р а с с у д о к (*phrenes*) и с т р а с т ь (*thymos*). Часть *души*, представляющая страсть, помещается в сердце человека, а части, представляющие рассудок и ум – в его мозге. Отличительную черту человека составляет рассудок, являющий собой бессмертную часть его *души* ("разумное бессмертно, а остальное смертно" [Диоген Лаэртский 1979: 340]). Соответственно его "Я" в основе своей рассудочно. Также у Платона *душа* включает в себя три части: во-первых, р а з у м н о ю (*logisticon*), которая помещается в голову человека; во-вторых, с т р а с т н о ю (*thymoeides*), которая помещается в сердце; и в-третьих, в о ж д е л и т е л ь н о ю (*epithymeticon*), находящуюся при пупе и печени [Диоген Лаэртский 1979: 169]. В современной терминологии, в структуре *души* человека Платон выделил доминирующее р а ц и о н а л ь н о е начало, а также подчиняющиеся ему сферы э м о ц и й и и н с т и н к т о в. Согласно Эпикуру, *душа* человека включает в себя две основные части: н е р а з у м н о ю, которая рассеяна по всему его телу, и р а з у м н о ю, которая находится в его груди [Диоген Лаэртский 1979: 416]. Можно полагать, что речь в этом случае идет о двух функционально несходных принципах в структуре человеческой психики – инстинктивно-бессознательном, обеспечивающем собой жизнедеятельность любого организма, и осознанно-рационального, присущего только человеку и отличающего его от растений и животных. Иными словами, именно в р а з у м е Эпикур видел исключительную особенность человеческого сознания, в рамках которого человек мыслит и свое "Я".

⁸ Что касается содержания *воли*, то она оказывается связанной со страстями, обна-

Прорыв в решении проблемы самосознания был осуществлен во второй половине XIX века с выделением психологии в самостоятельную научную дисциплину, одну из основных задач которой составило определение глубинной природы самосознания человека. Стремление найти, с одной стороны, закономерные элементы в структуре "Я", а с другой – универсальные принципы и способы осмысления человеком себя как отдельной сущности довольно скоро дало свои результаты. Первым важным научным событием этого времени, было открытие принципа объективации, действующего при осмыслении человеком себя самого, – разделения в его сознании "Я-субъекта" и "Я-объекта". Осознание этого момента позволило определить и критерий истинности осознаваемого "Я". Истинным в этих обстоятельствах определяется "Я", которое мыслит себя как объект и при этом само осознает собственную субъектную позицию [Липпс 1910: 30–31].

Второе эпохальное событие, определившее собой характер психологической науки всего XX столетия, составило открытие бессознательного в структуре человеческой психики и на этой основе утверждение множественности человеческого "Я". Родоначальник этого учения З. Фрейд выдвинул удивительный по своей эвристической силе тезис о том, что осознанное "Я" человека восходит к его бессознательному, является его своеобразным продолжением. В этих обстоятельствах некоторая область "Я" (по мнению З. Фрейда, наиболее важная) обязательно остается неосознанной самим субъектом. «Часть "Я" (один Бог знает, какая важная часть!), – писал он, – может быть БСЗ (бессознательной. – Г.Б.) и, несомненно, и есть БСЗ» [Фрейд 1991: 356].

Из этого положения вытекает естественный вывод о комплексности "Я". В его составе З. Фрейд определил, прежде всего, бессознательную часть, противопоставленную осознанной части – эго-сознанию человека, возникающему на основе непосредственных впечатлений и восприятий. В составе бессознательной части человеческого "Я" З. Фрейд выделил, далее, две диаметрально противоположные и неравные части: с одной стороны, "Оно" – темное вместилище инстинктов и страстей, настоятельно требующих удовлетворения, с другой стороны, некое "Сверх-Я" – инстанцию, являющуюся носителем идеала, вмещающую в себя совесть и осуществляющую наблюдение за личностью [Фрейд 1989: 341]. При этом, заметил З. Фрейд, человек обычно идентифицирует себя как эго, временами (при нравственной оценке собственных поступков и мыслей) – как "Сверх-Я". Но никогда – на этом З. Фрейд настаивал особо – человек не идентифицирует себя как "Оно", которое, по его словам, принципиально чуждо осознанию, прячется от него, неопределимо на сознательном уровне и неизменно находится вне сознательного личностного контроля. Лишь в отдельных случаях "Оно" может самопроизвольно выходить на уровень сознания, тем самым делая "Я" человека выражением всего инстинктивного, всего самого низменного, что есть в нем.

Таким образом, З. Фрейд обосновал динамический характер человеческого "Я", показав его глубинный состав и изменчивость, что с точки зрения синхронии может быть определено как многомерность самосознания.

На еще более высокий уровень поднял эту теорию К.Г. Юнг. Двигаясь в том же направлении, что и З. Фрейд, и творчески развивая его идеи, он пришел к выводу о том, что "Я" человека – это сложный, иерархически выстроенный комплекс, включающий сознательные представления о себе (Эго), содержательные структуры личного бессознательного (Юнг определил их как Тень и Персону) и содержательные структуры бессознательного, имеющие всеобщий характер, – архетипы

руживает себя в страстях и по сути являет собой страстное желание чего-либо и возникающее на этой основе переживание. Эта позиция дает Шопенгауэру основание утверждать, что именно страстями объясняется природа человека и что именно желания составляют для конкретного лица ближайшее доказательство его бытия. Рациональная же деятельность только заслоняет собой волевое начало в человеке и запутывает его, скрывая от него истинные основы его "Я".

коллективного бессознательного (главные из них – *Анима* у мужчины или *Анимус* у женщины и *Самость*).

Особый интерес в этой системе представляет *Персона* – совокупность представлений, которые человек каким-либо образом связывает с собой, а затем мыслит как неотъемлемую часть собственного "Я"⁹. Эти представления имеют культурно-обусловленный характер, поскольку определяются исторически сложившейся в данном обществе ролями и функциями его членов. Некоторые из этих ролей и функций являются культурными универсалиями или приближаются к таковым. В этих случаях они могут быть приняты в качестве ярких показателей типа культуры – ср., например, общую неизменность ролей *матери, отца, жены, мужа, сына, дочери, мужчины и женщины*. Другие подобные содержания *Персоны* могут быть специфичными для ряда культурных традиций, определяя собой, таким образом, их типологические черты – ср. *отличающие звания и знаки отличия вообще, награды и титулы*, также обусловленные особенностями социальных взаимодействий и потребностей образы *врача и шамана, священника и жреца, общественного деятеля и вождя, учителя, адвоката, художника, ученого* и т.п.

Персона в структуре "Я" – иллюзорный по сути, но тем не менее в высшей степени важный его компонент, конкретные содержания которого часто лежат вне самого рефлексизирующего субъекта. Когнитивную природу *Персоны* составляет отождествление человеком себя с теми или иными внешними обстоятельствами, благодаря чему они начинают рассматриваться данным человеком как объектные обоснования экзистенциальности его "Я". "Срывание маски" – произвольное или навязанное извне освобождение от отождествления себя с *Персоной* – может открыть субъекту истинные основания его "Я". Однако этот процесс оказывается исключительно болезненным: он переживается субъективно как разрушение личности, посягательство на целостность самосознания человека и вообще на его экзистенциальность. Ср. так называемый "синдром пустого гнезда" – состояние угнетенности, ущербности родительского "Я" после того, как дети покинули дом. Доминирующей в этом случае является идентификация человеком себя как родителя. Такую же природу имеет состояние внутренней опустошенности, переживаемое человеком при уходе на пенсию или при потере работы. В этом случае он отождествляет себя со своей работой или профессией.

Такое "расширенное" видение человеком себя является, судя по всему, не только нормальным, но и необходимым для его психической жизни. Типичные примеры в этом плане – самоотождествление многих мужчин с занимаемой ими должностью, со своим домом, машиной, семьей, внешними атрибутами успешной карьеры, общественной деятельностью и т.д. Женщина обычно скромнее в своих притязаниях. Она в этих обстоятельствах ориентирует себя обычно на иные предметные сферы: для нее наибольшей репрезентативной силой обладают дети, семья и поддерживающие ее материальные средства, а также предметы, которые, по мнению женщины, делают ее красивой, т.е. дополнительно подтверждают ее "природное предназначение".

В вещах, рассматриваемых как собственность, человек находит наиболее подвижные "продолжения" себя и таким путем обретает объективные основания для утверждения в собственной бытийности, для обретения уверенности в том, что он действительно составляет часть бытия – что он есть. Все эти вещи не просто

⁹ Сам этот термин происходит от латинского слова *persona* 'маска, личина (преим. театральная); театральная роль; житейская роль, функция'. Используя его, К.Г. Юнг хотел подчеркнуть неадекватность одного из уровней самосознания действительному положению дел, его условный характер. "Слово *персона*, – писал он, – и впрямь подходящее для этого выражение, ибо изначально *persona* – маска, которую носил актер и которая обозначала исполнявшуюся им роль" [Юнг 1994: 216].

наполняют жизнь человека. Они выступают по отношению к нему как жизненно необходимые, поскольку доказывают извне его бытие и придают ему чувство экзистенциальной уверенности.

Действие принципа объективации и отождествление человеком собственного "Я" с предметами, внеположенными ему, нашло характерное выражение на грамматическом уровне русского языка – в референтном содержании возвратного местоимения *себя*.

2. ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ СЕБЯ: ВНЕШНИЕ РЕФЕРЕНТНЫЕ ЗОНЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ "Я" СУБЪЕКТА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

При рассмотрении функционирования возвратного местоимения *себя* в референтной сфере мы часто сталкиваемся с тем, что оно указывает не на самого субъекта, а на некоторый аспект действительности, связанный с ним, но тем не менее отличный от него.

Так, в сочетании *подумать о себе* местоимение *себя* в форме предложного падежа имеет общее функциональное значение рефлексивности – т.е. указывает на субъекта действия как такового. Однако в сочетании *оглядеть себя* со значением 'проследить свой внешний, телесный облик' оно указывает на субъекта в его телесной ипостаси (еще более отчетлива эта его семантика в развернутой формуле *оглядеть себя с ног до головы*); в сочетании *следить за собой* речь идет, главным образом, о содержании субъектом в порядке своей одежды, и местоимение *себя* указывает на его одежду; в сочетании *владеть собой* местоимение *себя* указывает на эмоции и желания субъекта, а в сочетании *пригласить к себе* – на некое пространство, связанное с ним (чаще всего это его жилище).

Подобная размытость референтного содержания возвратного местоимения *себя* в русском языке составляет широкое продолжение тенденции, которая наблюдается в межкультурном плане. Во многих языках возвратные местоимения как таковые отсутствуют и их функцию выполняют служебные слова, этимологически восходящие к существительным со значением человека, его тела или наиболее важных реальных или идеальных органов (головы, лица, глаза, души и т.д.) [Храковский 1981: 15]. Обстоятельства такого рода показывают, что свою функцию рефлексивы вообще осуществляют не в отношении некой "точки" в референтной сфере, а в отношении "области".

Одновременно с этим отсутствуют прямые функционально-семантические параллели между рефлексивными показателями в разных языках. Характер несоответствий, отмечающихся в каждом конкретном случае, позволяет понять специфику референтного содержания возвратного показателя в одном из имеющихся языков. Так, русскому сочетанию *пригласить к себе* в английском языке соответствуют варианты *to ask to visit somebody at his house/office/country-cottage* и т.д. В каждом из этих вариантов прямо называется пространственная область, которая носителями русского языка только подразумевается. По существу выражения английского языка в этих случаях становятся метаязыковыми описаниями референтной семантики возвратного местоимения *себя* в русском языке – т.е. семантика английских выражений рассматривается как раскрывающая семантику русских конструкций.

Все это ставит вопрос о типах референтных объектов, или референтных зон, на которые вообще способно указывать возвратное местоимение *себя* в данном случае в русском языке. Ответить на этот вопрос – значит понять, с какими аспектами действительности отождествляют себя носители русского языка в тех или иных условиях, каким предметным содержанием наполнено их представление о собственном "Я" и вообще какова содержательная природа их самосознания.

Типология референтных зон, индексируемых возвратным местоимением *себя*, значима и в теоретическом отношении. Поскольку в этом плане отсутствуют строгие межкультурные соответствия, она может составить первоначальное основание для

системных обобщений более высокого порядка. В этом случае полученные данные прольют свет уже собственно на с п е ц и ф и к у представлений о себе у носителей того или иного языка.

В системе референтов, на которые способно указывать возвратное местоимение *себя* в русском языке, четко определяется группа зон, в н е п о л о ж е н н ы х субъекту. Это реальные аспекты действительности, которые субъект мыслит сначала как объекты вообще, безотносительно себя самого. Вследствие этого в случаях такого рода специальная объективация своего "Я" субъекту не требуется. Он просто отождествляет себя с уже определившимися объектами, соответствующим образом идентифицирует себя и таким путем обретает собственные объективные основания.

Референтные зоны, о которых идет речь, составляют достаточно стройную последовательность. В ней исходным звеном субъект определяет собственное т е л о как наиболее очевидное предметное осуществление своего "Я", а затем производит плавную и все более широкую внутреннюю экспансию материального пространства, в котором он себя полагает. В итоге его "Я" обретает вид своеобразной "разбегающейся вселенной", которая фактически не имеет внешних границ, но при значительных масштабах становится абстрактной.

Итак, во внеположенной субъекту действительности возвратное местоимение *себя* русского языка может указывать вообще на следующие референтные зоны:

1. Тело субъекта действия. Данная семантика местоимения *себя* наиболее отчетливо проявляется в контекстах, содержащих прямое название части тела, в связи с которой действие производится. Это название играет роль особого конкретизатора, который делает мысль о "Я-теле" более определенной, но в принципе имеет дополнительный характер (его отсутствие отчасти лишает выражение ясности, но не делает его грамматичным).

Чаще всего в подобных случаях упоминаются в н е ш н и е органы – *голова, шея, плечи, руки, живот, ноги* в целом, *колени* и т.д. Так, в приведенном ниже примере (1) местоимение *себя* указывает на то, что действие субъекта направлено на его тело, а предложно-падежная конструкция *за голову* конкретизирует это представление; в примере (2) аналогичную функцию выполняет конструкция *на плечи*; в примере (3) – конструкция *в грудь*, а в примере (4) – *по коленке*. Ср.:

(1) Каратаев уронил рюмку и схватил **себя за голову**. (Тургенев. Петр Петрович Каратаев)

(2) Один из них взвалил **себе на плечи** мой чемодан... (Лермонтов. Герой нашего времени)

(3) – Да как же он, стерва... гадов таких... убивать мало!.. – кричал Морозка, порываясь к мокрому и оглуевшему парню. Тот, держась одной рукой за Гончаренку и обращаясь исключительно к нему, другой рукой бил **себя в грудь**, голова его тряслась. (Фадеев. Разгром)

(4) Все в порядке. Ширяев хлопает **себя по коленке**. (В. Некрасов. В окопах Сталинграда)

В роли подобных конкретизаторов могут выступать и в н у т р е н н и е части тела – реальные или идеальные органы, представляющиеся носителями русского языка как их "наивной анатомии". Таковы, в частности, *голова* (которая рассматривается уже как орган мышления), *рот, горло, желудок, сердце, душа*, редко *печень(печенка/печенки)* и т.д. Конкретизаторы такого рода также являются дополнительными: содержание окружающего контекста позволяет определить, относительно какого именно органа совершается действие, а отсутствие конкретизатора не делает выражение грамматически неправильным. Ср. пример (5), в котором местоимение *себя* в форме дательного падежа указывает на "телесного" субъекта, а предложно-падежная

конструкция *в глотку* называет конкретный орган, на который действие направлено:

(5) Шариков выплеснул содержимое рюмки **себе в глотку**, сморщился, кусочек хлеба поднес к носу, понюхал, а затем проглотил, причем глаза его налились слезами. (Булгаков. Собачье сердце)

Важно отметить, что в роли подобного конкретизатора может выступать характерное "укромное место" на теле субъекта (ср.: *у себя под мышкой*), а также сравнительно близкое к телу субъекта пространство, определяемое относительно той или иной внешней части тела-ориентира (ср.: *у себя под носом, у себя за спиной, у себя перед глазами, у себя под ногами, у себя над головой*). При этом обязательный компонент таких контекстов – предлог *у* при местоимении *себя*, выражающий значение принадлежности. Благодаря ему сочетание *у себя* понимается как 'принадлежащий инстанции "Я"' или даже 'входящий в состав инстанции "Я"'.

Все это показывает, что носители русского языка в составе "телесного" субъектного "Я" определяют не только собственно тело данного субъекта, но и некое пространство вокруг него. По сути дела подобным телесным "Я" субъекта выступает характерный "пространственный кокон", который сам субъект вокруг себя внутренне определяет.

Отмеченные представления о субъектном "Я" как о теле вполне отчетливо просматриваются и в обстоятельствах отсутствия при возвратном местоимении *себя* каких-либо конкретизаторов. Материальность, телесность сущности, на которую указывает местоимение *себя* в случаях такого рода, выводится из самого контекста. При этом особо значимыми оказываются пространственные предлоги, показывающие, что данная сущность может служить ориентиром в пространстве и сама обладает пространственными, телесными параметрами.

Так, в примерах (6–9) референтные сущности, индексируемые местоимением *себя*, представляются т е л е с н ы м и, помимо всего прочего, в силу того, что они служат пространственными ориентирами соответствующих действий, – ср.:

(6) Он бойко поглядывал кругом, подсунув **под себя** руки, беспечно болтал и постукивал ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. (Тургенев. Певцы)

(7) А передо мною опять мой вихрястенький баринок, и рожа у него вся светом светится, а **сзади себя** слышу странный шум и содом, голоса и бряцанье, и гик, и визг, и веселый хохот. (Лесков. Очарованный странник)

(8) Удивившись крайне, Никанор Иванович увидел **над собою** черный громкоговоритель. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

(9) Но мысли его так были заняты своим предметом, что один только сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть **вокруг себя**... (Гоголь. Мертвые души)

В примерах (10–12) телесность сущностей, на которые указывает местоимение *себя*, вытекает из контекста, но дополнительно подчеркивается пространственной семантикой предлогов, которые показывают их собственную предметность, – ср.:

(10) Наконец он вздохнул, натянул **на себя** одеяло и заснул. (Тургенев. Дворянское гнездо)

(11) Часы опять испустили шипение и пробили десять; в дверь выглянуло женское лицо и в ту же минуту спряталось, ибо Чичиков, желая получше заснуть, скинул **с себя** совершенно все. (Гоголь. Мертвые души)

(12) Чичиков почувствовал **в себе** тяжести на целый пуд больше. (Гоголь. Мертвые души)

2. Предметы, составляющие собственность субъекта. Способность возвратного местоимения *себя* указывать на эту референтную зону также обнаруживают условия контекста, а именно – конкретизаторы, прямо называющие предмет, который играет принципиально важную роль в обстоятельствах соответствующего действия и который характерным образом представляет в референтной сфере самого субъекта этого действия.

В качестве репрезентанта субъектного "Я" может выступать вообще любой предмет при условии, что он составляет (хотя бы в данный отрезок времени) принадлежность субъекта. Часто это принадлежащие ему вместилища для других видов его собственности (*кошелек, бумажник, портфель, чемодан, мешок и т.п.*) или выполняющий эту же функцию предмет мебели (*тумбочка, шкаф, холодильник, ящик стола и т.п.*).

Особое место в ряду таких предметов-репрезентантов субъекта действия занимает одежда субъекта или ее детали. Именно они составляют наиболее очевидную и неотчуждаемую его собственность, играя роль своеобразного продолжения его тела.

Однако упоминание одежды как конкретизатора в ситуации рефлексивного действия имеет характерное ограничение, которое, с одной стороны, говорит о нефигуральности сближения одежды с телом субъекта, а с другой – подчеркивает структурированность представлений о телесности субъектного "Я" в сознании носителей языка. В этом качестве способны выступать лишь такие виды одежды или ее детали, которые метонимически соотносятся с частями тела, определяющимися у человека в системе данных языковых представлений. Немногочисленные исключения в этом плане – *фалды (полы), кисти* и в отдельных случаях *пуговицы*. Так, можно *похлопать себя по карманам* (← бока или грудь), *по воротнику* (← плечи и грудь), *по лацканам* (← грудь), *по рукавам* (← руки); можно *подергать себя за рукав, за полу, за пуговицу* (ср. еще более выразительные в этом отношении названия таких частей одежды, как *плечи / плечики, спина / спинка, грудь / грудка, бок*), но нельзя **похлопать себя по пиджаку* или **дернуть себя за шубу*.

Например, в (13) конкретизатором телесного "Я", на которое направлено действие, выступает *сапог* субъекта, метонимически связанный с его ногой (голенью); в (14) конкретизатором телесного "Я" субъекта выступает *кобура*, соотносящийся с его поясной; в (15) конкретизатор *брюки* "продолжает" субъекта, метонимически соотносясь с его ногами, – ср.:

(13) Морозка, упустив березку, чтобы не потерять такт, хлестнул **себя по сапогу**. (Фадеев. Разгром)

(14) – Если потеряется еще хоть один человек – расстреляю из этого вот пистолета. – Он хлопает **себя по кобуре**. – Понятно? (В. Некрасов. В окопах Сталинграда)

(15) Падая, он поддел ногой другую скамеечку, стоявшую перед ним, и с нее опрокинул **себе на брюки** полную чашу красного вина. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Весьма показательно, что в роли референтных конкретизаторов при возвратном местоимении *себя* могут выступать также пространства между реальным физическим телом субъекта и его одеждой. Этот факт может быть истолкован как доказательство того, что в подобных обстоятельствах между "Я-телом" субъекта и его "Я-одеждой" носители языка не проводят четких границ. Ср. пример (16), в котором *пазуха* 'простор меж груди и одежды, над поясом' [Даль III: 9] конкретизирует содер-

жательный объем телесного "Я" субъекта¹⁰:

(16) Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил ее одной рукой, сунул ее **себе в пазуху** и пустился большими шагами домой. (Тургенев. Муму)

Для русского языкового сознания конкретизаторами телесного "Я" субъекта являются и вместилища на одежде (но не то, что они содержат). Эти вместилища также представляются субъекту как своеобразные продолжения его "Я-тела". Ср.:

(17) Яков зарылся у **себя в карманах**, достал грош и наметил его зубом. (Тургенев. Певцы)

Приведение конкретизатора во всех случаях такого рода является свободным: его выведение из контекста не лишает выражение грамматичности, однако референтное содержание местоимения *себя* при этом становится гораздо менее определенным. Появляется возможность его двоякого истолкования, что еще раз доказывает неразрывность представлений о "Я-теле" и "Я-одежде". Так, в следующем примере отсутствие конкретизатора не позволяет с уверенностью говорить о содержании местоимения *себя* в референтной сфере (это может быть одинаково и "Я-тело" субъекта, и "Я-одежда") – ср.:

(18) И, обеда вкруг **себя** узенький свалявшийся кушачок, он втянул в себя и так тощее брюхо и затынулся по полущубку что было силы. (Толстой. Хозяин и работник)

В другом примере *себя* скорее всего указывает на "Я-одежду" субъекта, и такое понимание его содержания обуславливается осведомленностью носителей языка в деталях и специфике описанных в тексте обстоятельств внеязыковой действительности. Ср.:

(19) Походив и справа, Никита вернулся к саням, сбил **с себя** снег, вытряхнул его из сапога и сел в сани. (Толстой. Хозяин и работник)

Специального упоминания заслуживает, наконец, такая предметная константа в сфере референтного содержания местоимения *себя*, как **п о с у д а**, и з к о т о р о й с у б ъ е к т е с т в д а н н ы й м о м е н т. В русском языковом сознании она также может играть роль материального репрезентанта субъекта действия, а в отдельных случаях – и собственно субъектного "Я".

Абсолютно определенной эта картина является при конкретном приведении в соответствующем выражении названия такой посуды. Местоимение *себя* в этих условиях сигнализирует о рефлексивности действия (направленности на самого его субъекта), а предметный конкретизатор показывает, какая именно составляющая субъекта имеется в виду. Так, в примере (20) такой его составляющей выступает *тарелка*, а в примере (21) – *рюмка*. Ср.:

(20) Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока **к себе на тарелку**, съел все, обгрыз, обсосал до последней косточки. (Гоголь. Мертвые души)

(21) Они с радушием заколют отличную индейку или дюжину цыплят к приезду гостя, но лишней изюминки в кушанье не положат, и побледнеют, как тот же гость самовольно вздумает сам налить **себе в рюмку** вина. (Гончаров. Обломов)

¹⁰ Проявлением отмеченной выше закономерности видится обозначившаяся метонимическая связь между конкретизатором телесного "Я" субъекта (*пазуха*) и собственно его телом. Согласно В.И. Далю, "называют *пазухой* и самую грудь человека от шеи до ложечки, хотя *пазуха* образуется лишь одежей на груди" [Даль III: 9].

Конкретизатор субъектного начала и в подобных случаях может опускаться. Референтное содержание местоимения *себя* становится при этом абстрактным, но тем не менее сохраняет свою актуальность – оно выводится из общего содержания контекста. Что же касается местоимения *себя*, то оно выполняет две функции: показывает рефлексивность данного действия и одновременно указывает на референтную область, которая имеется в виду как реальная сторона субъекта. Так, в примерах (22) и (23) референтное содержание местоимения *себя* выводится на основе общих данных контекста, а также имеющихся у носителя языка знаний о деталях соответствующих ситуаций (едят вообще с тарелок, а коньяк пьют из рюмок); в примере (24) контекст более информативен: в нем имеется намек на предмет, конкретизирующий содержание местоимения *себя* в референтной сфере¹¹, – ср.:

(22) – Щи, моя душа, сегодня очень хороши! – сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши **себе** с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками. (Гоголь. Мертвые души)

(23) Филипп Филиппович жестом руки остановил его, налил **себе** коньяку, хлебнул, пососал лимон и заговорил... (Булгаков. Собачье сердце)

(24) – Уж я и так читаю, читаю... – ответил Шариков и вдруг хищно и быстро налил **себе** полстакана водки. (Булгаков. Собачье сердце)

Показательно, что основные компоненты рассматриваемой ситуации рефлексивности – *субъект*, *предмет* и *отношение принадлежности*, связывающее предмет с субъектом, – обозначились на лексическом уровне – в семантике производных корня *себ-/соб-*. Так, в их ряду отмечаются слова со значениями с у б ъ е к т а, л и ц а. Таково, в частности, значение ‘личность, отдельность, самая суть человека’ у слова *собь*, засвидетельствованное Далем, но, по его замечанию, не указанное в словарях [Даль IV: 253]. Однако в словарях зафиксировались слова с другим значением, близким этому, – ср.: др.-рус. *собъ* ‘существо’, *собьство* ‘личное существование’, ‘лицо, ипостась (о Боге)’ [Срезневский III, ст. 456–457]. Значение л и ц а обнаруживает себя и в контексте достаточно близкого языкового родства – в п. *osoba* ‘лицо, особа; человек, персона’, вошедшее в русский языковой оборот в XVI в. (что, по всей видимости, стимулировалось смысловыми потенциями собственно русских соответствий) [ср. СРЯ 13: 123]. В этой связи могут быть отмечены и слова с характерным значением особенности, отдельности – ср.: *собство* церк. ‘особливость, особенность как принадлежность чего-либо’, *собенник*, *собеняк* ‘пирожок, особенно или отдельно для кого испеченный’, *собежник* ‘что-либо свое, особое, отдельное, особняк’ [Даль IV: 253].

Также, в ряду производных корня *себ-/соб-* наблюдаются слова со значением характерной обобщенной п р е д м е т н о с т и – ср.: *собь* ‘все свое, имущество, животы, пожитки, богатство’ – *У него соби много* (вост.) ‘всякого добра, особенно скота’; *соби́на* (волог., ряз., тамб.) ‘собь, животы, пожитки, нажитки, достоянье’, ‘скот’, перм. ‘приданое’ – *С умом собину нажить, а без ума растерять; С умом собинка нажита, а без ума прожита* [Даль IV: 253].

Наконец, целый ряд производных корня *себ-/соб-* выражает значение п р и н а д л е ж н о с т и ч е г о - л и б о к о н к р е т н о м у л и ц у – ср.: *собность*, *собственность* ‘собь, собина, именье и всякая вещь, как личное достояние чье’, *собить* волог., курск., тамб. ‘копить, собирать, припасать и прочить себе или иному в собину’ – *Летом собить, зиму сыту быть; Собить детям* ‘копить, сберегать’; *собник*, *собинник*, *собственник* ‘владелец, владелец, владатель, обладатель, полный хозяин и господин вещи; всякий, у кого есть собь, собина, свое имущество’ [Даль IV: 253].

¹¹ Вместе с тем слово *полстакана* может обозначать не посуду и в связи с этим количество его содержимого, а собственно количество, мерой которого выступает стакан.

Исходным для корня *себ-/соб-* является функциональное значение рефлексивности. Наличие же в его гнезде слов с отмеченными значениями показывает, что это представление сначала конкретизировалось (на его основе сложилось значения лица), а затем расширилось путем введения в данный концептуальный круг представления о предметах, значимых в обстоятельствах данного действия, и представления об отношениях между субъектом и предметами¹².

3. Области пространства, присвоенные субъектом. Продолжение отмеченной тенденции к проецированию субъектом своего "Я" на внешний предметный мир является репрезентация этого субъекта *п р о с т р а н с т в о м*, которое он внутренне "окультуривает", делает своим достоянием и в итоге рассматривает как внешнее выражение собственного "Я".

Характерную черту ситуаций, представляющихся в случаях такого рода в языковом сознании носителей языка, составляет достаточно отчетливое разделение реального субъекта и его пространственной "копии", которую он сам и определяет для себя как "Я". В целом подобные ситуации описывается в языке так, как будто "Я" субъекта составляет собой центр некоего пространства или даже находит в нем свое полное осуществление, и именно на эту ипостась собственного "Я" субъект ориентирует производимое им действие, – ср.: *вернуться → к себе домой, жить → у себя на даче, подняться → к себе в спальню, навести порядок → у себя в кабинете* и т.п.

В роли таких репрезентантов субъектного "Я" могут выступать любые двух- или трехмерные пространства, реально занятые субъектом или считающиеся таковыми в принципе. Однако чаще всего это конкретные предметы, определяющие данные пространства своими размерами и формой, – например, *дерево, душевая кабина или кабина автомобиля, лодка, скамейка в парке, место под зонтом, туристическая палатка, дачный участок* и т.п.

Одним из наиболее типичных объектов, играющих роль такого пространственного репрезентанта субъектного "Я", выступает *м е б е л ь* (в широком смысле), которую данный субъект занимает, – *диван, нары, кресло, кровать, постель, раскладушка, стол, стул, топчан, шезлонг* и т.д. При этом решающее значение имеет абстрактное представление о занятости данного предмета: с одной стороны, субъект может не заполнять его собой полностью, а с другой – вообще отсутствовать в данный момент. Поэтому в языке соответствующие оппозиции снимаются; выражения, содержащие местоимение *себя* с референтным значением пространства, получают возможность двоякого истолкования, а субъектное "Я" представляется в отношении подобных пространств как абстрактная "точка". Так, выражение *Я не пускаю своего кота к себе на постель* имеет два истолкования: а) субъект не позволяет коту быть вместе с ним на постели в данный момент и б) субъект *в о о б щ е* не позволяет коту забираться на свою постель. При этом в первом случае содержание местоимения *себя* оказывается достаточно конкретным (говорящий имеет в виду свое телесное "Я"), а во втором – весьма абстрактным: *г о в о р я щ и й п р е д с т а в л я е т с я к а к п р и н а д л е ж а щ е е е м у п р о с т р а н с т в о*.

Другой типичный для русского языкового сознания объект, служащий средством пространственной репрезентации субъектного "Я" в референтной сфере, – *ж и л и щ е* субъекта. Местоимение *себя* в этих условиях указывает на то, что действие субъекта ориентировано на него самого, а приведенное тут же название разновидности жилища конкретизирует это представление и показывает, какая именно сторона субъекта актуализируется. Так, в примере (25) местоимение *себя* указывает на то, что действие

¹² С этих позиций идею *собственности* возможно трактовать как отождествление субъектом себя с предметами, с которыми он связан характерными отношениями обладания. Лишить человека собственности, с этих позиций – значит лишить его какой-то части "Я" и таким путем нанести удар по его чувству экзистенциальной уверенности.

определяется относительно субъекта, а конкретным репрезентантом субъекта называется его жилище – *горница*; в примере (26) таким же репрезентантом субъекта выступает его *квартира*, а в примере (27) – *дом*. Ср.:

(25) А прочудилась я, – говорит, – **у себя в горнице...** (Лесков. Очарованный странник)

(26) Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну **у себя в квартире** петь хором, у меня настанет разруха. (Булгаков. Собачье сердце)

(27) Петр Андреич сдержал свое слово. Он известил сына, что для смертного часа его матери, для младенца Федора он возвращает ему свое благословение и Маланью Сергеевну оставляет **у себя в доме**. (Тургенев. Дворянское гнездо)

Наряду с ж и л и щ е м типичным для русского языкового сознания репрезентантом субъектного "Я" выступает р а б о ч е е п о м е щ е н и е субъекта. Это может быть вообще любое замкнутое пространство – *кабина, кабинет, комната, цех, здание* и т.д. Однако в любом случае это пространство организуется субъектом – он является источником воли, инициативы, которые действительны в рамках данного пространства. И в этом смысле оно в самом деле составляет "продолжение" субъекта.

Так, в примере (28) местоимение *себя* указывает на то, что действие направлено на сферу субъекта, а затем называется конкретная референтная зона в этой сфере – *кабинет* субъекта; в примере (29) таким репрезентантом субъектного начала выступает *конюшня*, в которой субъект распоряжается; в примере (30) пространственным репрезентантом субъекта выступает *клиника*, которой он руководит. Ср.:

(28) Войдя **к себе в кабинет**, он нашел на столе пригласительный билет от баронессы. (Лермонтов. Княгиня Лиговская)

(29) Не успел я, по сем благодетельствовании своих господ, вернуться с ними домой на новых лошадях, коих мы в Воронеже опять шестерик собрали, как прилучилось мне завести **у себя в конюшне** на полочке хохлатых голубей – голубя и голубку. (Лесков. Очарованный странник)

(30) Вы знаете, я произвел 30 наблюдений **у себя в клинике**. И что же вы думаете? Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно. (Булгаков. Собачье сердце)

Масштабы пространств, способных представлять субъектное начало в ситуации рефлексивного действия, могут широко варьироваться – от вполне определенного и конкретного пространства того предмета, который занят субъектом в данный отрезок времени, или какой-либо части помещения (ср.: *вернуться к себе в угол*) до помещения в целом, здания, населенного пункта и даже весьма обширной территории, определяемой "векторно" или предельно обобщенно (посредством обращения к абстрактному понятию "дом").

Следующий ряд примеров показывает, как меняются масштабы пространства-репрезентанта субъектного "Я": это п р е д м е т, занимаемый субъектом; принадлежащие ему *комната* и *жилище* в целом; *деревня*, которой субъект владеет; *город*, в пределах которого распространяется его влияние; абстрактное м е с т о, которое представляется лишь в связи, с указанным направлением, но признается сферой влияния субъекта (в контексте прямо говорится о его собственности, которая сначала лишь имеется в виду); абстрактное м е с т о, которое определяется как "дом" субъекта. Ср.:

(31) Вот лежу однажды ночью **у себя на постели** и думаю... (Тургенев. Петр Петрович Каратаев)

(32) А другой раз сидит **у себя в комнате**, ветер пахнет, уверяет, что простудился... (Лермонтов. Герой нашего времени)

(33) Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть на улице, хоть **у себя дома**... (Гоголь. Мертвые души)

(34) Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает **к себе в деревню** за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. (Гоголь. Мертвые души)

(35) Каждое утро он спешно принимал больных **у себя в Дялиже**, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками и возвращался домой поздно ночью. (Чехов. Ионыч)

(36) Еду **к себе** теперь **на юг**. У меня там домик и садик. (Л. Толстой. Крейцерова соната)

(37) Говорили, будто из Хивы пришли коней закупать и хотят там **у себя дома** с кем-то войну делать... (Лесков. Очарованный странник)

Пространственный конкретизатор в подобных контекстах также может опускаться. В этих случаях возвратное местоимение *себя* осуществляет лишь самое общее указание на пространства, освоенные субъектом действия и представляющие его "Я". Масштабы и границы таких пространств теряют свою определенность, и сами пространства могут быть узнаны лишь с большей или меньшей степенью благодаря условиям соответствующего контекста.

Так, в примере (38) местоимение *себя* указывает на принадлежащую субъекту *комнату*, о чем прямо говорится в дальнейшей части контекста; в примере (39) местоимение *себя* указывает на *квартиру* профессора Преображенского, но об этом позволяет судить уже более широкий контекст; в примере (40) содержание местоимения *себя* составляет *поместье* Лаврецкого, что обнаруживает общее содержание произведения; а в примере (41) остается до конца не ясным, какое именно пространство имеется в виду – кабинет, дом в целом или хозяйственные службы. Ср.:

(38) В одиннадцать часов он простился и пошел **к себе**. Он спал один со времени своей болезни, в маленькой комнатке у кабинета. (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича)

(39) – Видите ли, **у себя** я делаю операции лишь в крайних случаях. Это будет стоить очень дорого – 50 червонцев. (Булгаков. Собачье сердце)

(40) Лаврецкий похвалил его, заставил кое-что повторить и, уезжая, пригласил его **к себе** погостить на несколько дней. (Тургенев. Дворянское гнездо)

(41) Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпением, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец последний, удивленный таким странным недоумением, решился спросить:

– Что ж барин? **у себя**, что ли?

– Здесь хозяин, – отвечал ключник. (Гоголь. Мертвые души)

Еще более "напряженным" в этом отношении является следующий пример. В нем референтное содержание местоимения *себя* определяется предельно общо: 'в некотором пространстве, принадлежащем данному субъекту, в зоне его влияния'. Ср.:

(42) – Я тебя вылечу, вылечу, – бормотала она, впиваясь мне в плечи, – ты восстановишь его. Зачем, зачем я не оставила **у себя** один экземпляр? (Булгаков. Мастер и Маргарита)

Таким образом, границы подобных пространств просматриваются с разной степенью отчетливости: чем меньше пространство, чем более четкими видятся его границы. Установлению границ пространств-репрезентантов субъектного начала способствуют и условия контекста. Однако связь этих пространств с субъектным началом – их *при-своенность* субъектом, принадлежность субъекту – заявлена в этих обстоятельствах всегда абсолютно определено. Именно это условие определяет собой возможность принятия субъектом того или иного пространства в качестве внешнего (объектного) репрезентанта его "Я".

По сути дела этот же фактор действует во всех других случаях объективации субъектом собственного "Я" – при видении им себя как т е л а или п р е д м е т а, составляющего его собственность, что дает основание видеть в этом факторе общее правило объективации субъектом своего "Я". Внутренний механизм, обеспечивающий процесс объективации в этих условиях, – фундаментальный закон метонимии, проявляющийся в собственно когнитивной сфере как ассоциирование представлений по принципу их смежности.

3. РЕФЕРЕНТНАЯ СЕМАНТИКА ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ СЕБЯ НА ФОНЕ ОБЩИХ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ГЛАГОЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Чтобы утвердиться в достоверности выделенных аспектов значения возвратного местоимения *себя* в русском языке, сто́ит рассмотреть далее межъязыковые тенденции в семантике рефлексивных показателей, а также обстоятельства происхождения тех лексических единиц, к которым глагольные рефлексивные показатели в том или ином языке восходят (ср. в русском языке *-ся < себя/себе*).

Что касается первого вопроса, то уже давно было замечено, что значения рефлексивных глаголов в языках самых разных семей пересекаются, не выходя в целом за определенные смысловые рамки, и во многих языках выделяются совпадающие по значению рефлексивные глаголы [Генюшене, Недялков 1991: 254]. Это, в свою очередь, дает основание говорить о тождестве референтной семантики рефлексивных показателей в тех или иных случаях.

Так, одну из наиболее ярких общих тенденций в этой сфере составляет наличие тотальных рефлексивов – глаголов, у которых субъект и объект полностью одно-референтны друг другу в смысле "телесности", а рефлексивный показатель, прибавляющий к глаголу значение "себя", в референтном плане имеет значение "с е б я - т е л о". Таковы, например, болг. *облека се* 'одеться'; чеш. *mýt se* 'мыться' лит. *Ona nusirenge* 'Анна разделась' [Генюшене 1981: 168]; фр. *se débarbouiller, se laver* 'умываться'; арм. *Sedan sr̥b-v-ec* 'Седа вытерлась' ← *Sedan sr̥bec iren* 'Седа вытерла себя' [Козинцева 1981: 84]; якут. *күни симэ-н-эр* 'она наряжается'; чуваш. *вал ɟ ā-ān-атъ* 'она моется', удм. *анай дӱсся-ськ-е* 'мать одевается', эст. *ema riiet-u-h* 'мать одевается', иврит *hit-labeš* 'одеваться' [Генюшене, Недялков 1991: 256].

Точно так же стремится к универсальности "телесная" семантика у рефлексивных показателей в составе актокаузативных глаголов, обозначающих собственное (произвольное) изменение положения или места субъекта в пространстве – ср.: болг. *дрънна се* 'дернуться, рвануться; отпрянуть' ← *дрънна въръв* 'дернуть веревку'; польск. *obrócić się* 'обернуться' ← *obrócić twarz* 'обернуть лицо'; нем. *Der Mann bewegte sich* 'Человек пошевелился' ← *Der Mann bewegte den Arm* 'Человек пошевелил рукой'; швед. *vända sig* 'перевернуться' ← *vända* 'перевернуть'; азерб. *Ана тәрпнэ-н-ди* 'Мать пошевелилась' ← *Ана элини тәрпнэди* 'Мать пошевелила рукой'; татар. *Ул яшер-ен-де* 'Он спрятался' ← *Ул зйберләрне ящерде* 'Он спрятал вещи'; нивх. *п-лывд`* 'прятаться' ← *лывд`* 'прятать'; коми *лэпты-сь-ны* 'подняться' ← *лэптыны* 'поднять'; финск. *kätke-uty-ä* 'прятаться' ← *kätkeä* 'прятать'; мокш. *jordams prä* 'бросаться' ← *jordams* 'бросать' [Генюшене, Недялков 1991: 258].

Достаточно отчетливо в языках разных семей представлены и партитивные реф-

лексивы – глаголы, в составе которых рефлексивный показатель соотносится в референтном плане с частью тела субъекта. Таковы болг. *той се поряза* ‘он порезался’ ← *той поряза пръста* ‘он порезал палец’; польск. *golić się* ‘бриться’ ← *golić twarz* ‘брить лицо’; лит. *Motina prausia-si veidą* ‘Мать умывается’ (где объект действия дополнительно представлен дативным дополнением) ← *Motina prausia vaikui veidą* ‘Мать умывает ребенку лицо’ [Генюшене 1978: 157; ср. Генюшене 1981: 179]; англ. *He hurt himself* ‘он ушибся’ ← *He hurt his leg* ‘Он ушиб свою ногу’; швед. *vricka sig* ‘повредиться (вывихом)’ ← *vricka benen* ‘вывихнуть ногу’; арм. *Sedan srbevec* ‘седа вытерлась’ ← *Sedan srbec dzernerə* ‘Седа вытерла руки’ [Козинцева 1981: 84]; лат. *Ille emungit se* ‘Он сморкается’ ← *Ille emungit nares* ‘Он сморкает нос’; удм. *Анай сүти-ськ-из* ‘Мать обожглась’ ← *Анай кизэ сүтих* ‘Мать обожгла руку’; нивх. *п'-ныд'уд'* ‘покалечиться’ ← *ныд'уд'* ‘покалечить’ [Генюшене, Недеялков 1991: 256–257].

Весьма показательны в плане экспликации референтной специфики подобных глаголов случаи, когда ситуация рефлексивности описывается невозвратным глаголом, но зато принципиальной становится представленность в данном контексте объекта действия, составляющего часть тела субъекта. Так, с точки зрения русского языка возвратной является ситуация, описанная в англ. *He squinted his eyes* ‘Он прищурил свои глаза’ = рус. *Он прищурился*, эст. *Ta kissitab silmi* ‘Он щурит глаза’ = рус. *Он щурится* [Генюшене, Недеялков 1991: 257–258], вьетнамск. *Tôi on chân* ‘Я подобрал ноги’ (≈ “Я съезжился ногами”) [Быстров, Станкевич 1981: 111]; кит. *Zhang San gua liǎn* ‘Чжан Сань бреется’ (букв. ‘Чжан Сань бреет лицо’), *Wo xi liǎn* ‘Я умываюсь’ (букв. ‘умываю лицо’), *Meimei shu tóufa* ‘Сестренка причесывается’ (букв. ‘причесывает волосы’), где название части тела вообще не может быть опущено [Яхонтов 1981: 151]; совр. бирм. *ту¹ моу⁴ схэй² изэй³ дэ³* ‘Он бреется’ (букв.: Он¹ борода² брить³) [Омельянович 1978: 263]. Отдельные случаи, когда дополнение все-таки опускается (ср.: англ. *He squinted* ‘Он прищурился’, эст. *Ta kissitab* ‘Он щурится’ [Генюшене, Недеялков 1991: 257–258]), вообще должны расцениваться как отклонения от нормы (эллипсис, обусловленный прагматическими факторами). Нормальными же являются конструкции (как в китайском, вьетнамском или современном бирманском), в которых явным образом представлены все члены исходной диатезы П^{sb} – Ск (нерефлексивный глагол) – Доп^{об}.

Другие внешние референтные зоны, на которые указывает показатель рефлексивности глагольного действия, в междязыковом плане определяются уже не столь последовательно. Так, не вполне регулярно и обозначение рефлексивным показателем предмета, составляющего собственность субъекта, или освоенного им пространства. Достаточно очевидные различия в этом плане обнаруживают уже славянские языки – ср.: болг. *гладя риза* ‘гладить рубашку’ при невозможном **гладя се* ‘гладиться’, *редя стаята* ‘убирать в комнате’ → **редя се* ‘убираться, прибираться’, *редя куфар* ‘укладывать чемодан’ → **редя се* ‘укладываться’¹³ или семантико-типологически близкие русским польск. *budować się* ‘строиться’, *prać się* ‘стираться, чиститься’, *urządzać się* ‘устраиваться, обзаводиться хозяйством’, но вместе с тем и выходящие за рамки этой модели *prasować* ‘гладить’ (*prasować swoją białizną*) при невозможности **prasować się* ‘гладиться’, *sprzątać* ‘убирать, прибирать’ (*przątać pokój/w pokoju*) → **sprzątać się* ‘прибираться’. В английском языке рефлексивные глаголы с объектом – отчуждаемой собственностью субъекта вообще невозможны – ср.: *John is washing his shirts* ‘Джон стирает свои рубашки’ → **John is washing himself*; *Bill is packing up his things* ‘Билл укладывает свои вещи’ → **Bill is packing up himself*; *Mary is tidying up her room* ‘Мери прибирает в своей комнате’ → **Mary is tidying up herself* [Генюшене, Недеялков 1991: 257].

¹³ Как таковая рефлексивная конструкция *редя се* в болгарском языке существует, но она имеет совсем иное значение – ‘становиться, выстраиваться’.

Тем не менее во французском языке такая предметная и пространственная семантика у рефлексивного показателя *se* является регулярной, что наиболее отчетливо просматривается в аспекте одежды и пространства обитания: Ср.: *se changer* 'переодеваться, менять одежду' ← *changer* 'менять', *se négliger* 'пренебрегать своим туалетом' ← *négliger* 'пренебрегать', *se meubler* 'меблироваться' ← *meubler* 'меблировать', *se barricader* 'забаррикадироваться' ← *barricader* 'баррикадировать' [Корди 1981: 236].

Также не абсолютно закономерно, но тем не менее достаточно последовательно осуществляется в разных языковых сознаниях соотношение рефлексивного показателя с речью (высказанной мыслью) субъекта и его поступками. Славянские и французские языки обнаруживают в этих обстоятельствах большую близость друг другу – ср.: болг. *излагам се* 'излагать свои мысли, изъясняться', *изкажа се* 'высказаться'; польск. *adresować się* 'адресоваться, обращаться', *przejeżdzić się* 'оговориться (случайно)', *przyznawać się* 'признаваться', *zastrzec się* 'оговориться (специально)', *spowiadać się (z czegoś)* 'исповедаться (в чем-л.)'; франц. *s'expliquer* 'объясняться', 'объяснять свои чувства, поведение' ← *expliquer* 'объяснять', *se confier* 'доверяться', 'доверять свои мысли' ← *confier* 'доверять' [Корди 1981: 236].

В отношении же других языков (в частности, германских) эта картина оказывается несколько менее строгой. Так, в английском языке конструкция *Bill confesses his sins* 'Билл признает свои грехи, исповедуется' не может быть преобразована в **Bill confesses himself*; не имеют соотносимых конструкций *to admit one's guilt* 'признавать свою вину (признаваться в виновности)', *say one's say* 'выговориться', *to address to smb.* 'адресоваться'. И вместе с тем в нем отмечаются такие случаи, как *to express oneself* 'изъясняться, высказываться' ← *to express one's opinion* 'выразить чье-либо мнение', *to address oneself to smb.* 'адресоваться, обращаться к кому-л.' ← *to address a letter to smb.* 'адресовать письмо кому-л.', *to unbosom oneself to smb.* 'исповедаться, открывать свою душу кому-л.' ← *to unbosom a secret* 'открывать тайну', *to repeat oneself* 'повторяться' (*you are repeating yourself*) ← *to repeat a word*.

Все это позволяет заключить, что внешние референтные зоны субъекта, с которыми соотносится рефлексивный показатель в том или ином языке, – такие как тело субъекта действия или части его тела, освоенные субъектом пространства и предметы, составляющие его собственность, одежда субъекта, его действия, речь, социальные группы, в которые он входит¹⁴, – суть особые когнитивные универсалии (всеобщие категории) или стремятся к универсальности, хотя в отдельных случаях те или иные из них могут и не получить актуализации в языке (ср., например, отсутствие в английском языке рефлексных глаголов со значением движения частию тела [Генюшене, Недялков 1991: 257]).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный на пересечении философии, теории познания, культурной антропологии и лингвистики анализ языковых данных, имеющий целью выявление содер-

¹⁴ Этот список отнюдь не полон. Есть основания полагать, что такой зоной по меньшей мере в славянском языковом сознании выступает также имя субъекта (ср. русск. *расписаться*, чеш. *napsat se*, польск. *podpisać się*, но англ. *sign one's name*), для носителей современного бирманского языка это также украшения, надетые на субъекта действия [Омельянович 1978: 263], в китайском языке квазирефлексивные конструкции содержат обозначения орудий, которыми действует субъект [Яхонтов 1981: 154], в нивхском языке это посуда, принадлежащая субъекту (ср.: *n'-carud* 'наполнять свою посуду (букв. "наполняться")' [Недялков, Отаина 1981: 186]. Создание каталога таких зон в межкультурном плане и выведение типологических обобщений на этой основе – отдельная и весьма интересная задача.

жательных оснований самосознания его носителей, несомненно, доказывает свою состоятельность. По сути своей весьма неоднородное референтное содержание возвратного местоимения *себя* в русском языке, представленное как целое (точнее – как отдельный содержательный блок), передает фрагмент представления о "Я", характерного для русской языковой ментальности. И о достоверности полученных результатов свидетельствуют, с одной стороны, языковые данные типологического уровня, а с другой – системные данные прочих гуманитарных дисциплин. Кроме того, полученные результаты согласуются с иными структурными аспектами русского языка. Так, нельзя не заметить, что семантику возвратного местоимения *себя* и собственно тех инстанций, которые обнаружили в структуре "Я" носителей русского языка, в значительной мере повторяет семантика возвратных глаголов в русском языке и других языках.

Выделенные аспекты функционального содержания возвратного местоимения *себя* в русском языке, разумеется, не охватывают всего представления о "Я", возникающего при его употреблении в сознании носителей русского языка. Оно способно указывать также на ряд инстанций, которые субъект мыслит находящимися как бы внутри себя. Каждая из этих инстанций представляет собой осуществление строго определенной психической функции субъекта. Это придает им в целом характер особой реальности, которая в той же мере несомненна и важна для субъекта, в какой несомненны и важны элементы внешней предметной сферы, составляющие для субъекта объективные основания его "Я".

"Картографирование" в н у т р е н н е й с ф е р ы, принятой субъектом в качестве обоснования его "Я", составляет одну из ближайших задач когнитивно ориентированной науки о языке.

Полученную картину должно значительно расширить также системное рассмотрение рефлексивов в конкретном языке с целью более полной реконструкции стоящего за ними представления его носителей об их "Я". В этом отношении особенно перспективен русский язык. Он относится к числу тех сравнительно немногочисленных языков, которые имеют два рефлексивных средства – лексемы *себя* и *сам*.

Кроме того, в русской языковой традиции достаточно широко представлен такой тип "эгоцентрических слов", как личные имена. Эти слова в ряде отношений близки личным местоимениям: посредством их осуществляется самое общее обозначение индивидуальных лиц, не предполагающее выделение их характерных черт (определенное исключение в этом плане составляют, пожалуй, только прозвища). Однако связь между именем и "Я" оказывается принципиально иной по сравнению со связью между рефлексивным местоимением и "Я" – глубокой и устойчивой. Характер этой связи обнаруживает, в частности, слово *именно*, функционально-грамматическое наполнение которого задается представлением носителей языка об общих когнитивных функциях имени и прежде всего – о способности имени *о - п р е д е л я т ь и в ы - д е л я т ь* именуемую сущность [Берестнев 1998]. И рассмотрение системы личных имен с целью выявления стоящего за ними образа "Я" – еще одна актуальная задача современной когнитивности лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э. 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.
Берестнев Г.И. 1998 – Личное имя как общий фактор самосознания // Актуальные проблемы лингвистической семантики. Калининград, 1998.
Бидерманн Г. 1996 – Энциклопедия символов. М., 1996.
Быстров И.С., Станкевич Н.В. 1981 – Залоговые конструкции во вьетнамском языке // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I–II. Тбилиси, 1984.

- Генюшене Э.Ш. 1978 – Бенефактивные транзитивные рефлексивы в литовском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Генюшене Э.Ш. 1981 – К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Генюшене Э.Ш., Недялков В.П. 1991 – Типология рефлексивных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Гроф С. 1993 – За пределами мозга. М., 1993.
- Гроф С. 1994а – Области человеческого бессознательного. М., 1994.
- Гроф С. 1994б – Путешествие в поисках себя. М., 1994.
- Демьянков В.З. 1995 – Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Диоген Лаэртский 1979 – О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- ДФ 1979 – Древнеиндийская философия. М., 1979.
- Есперсен О. 1958 – Философия грамматики. М., 1958.
- Козинцева Н.А. 1981 – Рефлексивные глаголы в армянском языке // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Кон И.С. 1981 – Категория "Я" в психологии // Психологический журнал. 1981. № 3.
- Корди Е.Е. 1981 – Деривационная, семантическая и синтаксическая классификация местоименных глаголов французского языка // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Кубрякова Е.С. 1994а – Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // ИАН СЛЯ. 1994. № 2.
- Кубрякова Е.С. 1994б – Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4.
- Кубрякова Е.С. 1995 – Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Купер Дж. 1995 – Энциклопедия символов. Кн. IV. М., 1995.
- Липс Г. 1910 – Самосознание, ощущение и чувство. СПб., 1910.
- Лэнг Р. 1995 – Расколотое "Я". СПб., 1995.
- Маковский М.М. 2000 – Внешнее и внутреннее // Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М., 2000.
- Недялков В.П., Отаина Г.А. 1981 – Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Омельянович Н.В. 1978 – К вопросу о выражении залоговых значений в современном бирманском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Попов А.А. 1936 – Тавгийцы // Труды Института антропологии и этнографии. Т. I. Вып. 5. М.; Л., 1936.
- Спиркин А.Г. 1972 – Сознание и самосознание. М., 1972.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. 1993 – Смена "культурных парадигм" и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993.
- Топоров В.Н. 1997 – Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
- Топоров В.Н. 1987 – Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *svet // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Тэйлор Э. 1939 – Первобытная культура. М., 1939.
- Фрумкина Р.М. 1995 – Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Фрейд З. 1989 – Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
- Фрейд З. 1991 – "Я" и "Оно". Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
- Фрэзер Д.Д. 1983 – Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.
- Храковский В.С. 1978 – Залог и рефлексив // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Храковский В.С. 1981 – Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.

- Шопенгауэр А.* 1993 – Мир как воля и представление. Т. II. М., 1993.
- Юнг К.Г.* 1994 – Психология бессознательного. М., 1994.
- Юнг К.Г.* 1995 – Психологические типы. СПб.; М., 1995.
- Якобсон Р.О., Фант Г.М., Халле М.* 1962 – Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
- Яхонтов С.Е.* 1981 – Выражение рефлексивности в китайском языке // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Budge E.A.W.* 1967 – The Egyptian Book of the Dead (The Papyrus of Ani). Egyptian text, Transliteration and Translation. New York, 1967.
- Chafe W.L.* 1987 – Repeated verbalisations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of the plenary session papers: XIV International Congress of linguists. Berlin, 1987.
- Delbrück B.* 1893–1900 – Brugmann K., Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, III–V. Strassburg, 1893 – 1900.
- König E.* 1997 – Towards a typology of intensifiers (emphatic reflexives) // XVI-th International Congress of linguists. Paris, July 20–25, 1997 (Plenary sessions texts).
- Moravcsik E.A.* 1972 Some crosslinguistic generalizations about intensifier constructions // Papers from the 8-th regional meeting. Chicago linguistic Society. April 14–16, 1972. Chicago, 1972.